

Бай Ифэй, заметив, что Цинь Цин глубоко задумался, решил помочь с объяснением:

— Видишь ли, подмышки — это довольно чувствительное и уязвимое место на теле человека. Из-за одежды они редко бывают открытыми. Согласно исследованиям, многие, кто любит издеваться над другими, но не хочет, чтобы это обнаружили, оставляют следы именно в этой области.

Гу Цзяньнянь осенило:

— А, так вот почему ты сказал мне искать следы издевательств. Значит, преступник мог использовать окурки, чтобы причинить боль жертве. А что насчёт отверстий в ушах?

— Этого я не знаю.

Бай Ифэй повернулся к своему другу, и как раз в этот момент Цинь Цин завершил свои размышления, предложив гипотезу:

— Похоже на то, как в лабораториях или на фермах делают отверстия в ушах животных для маркировки. Я видел такое на работе у моей мамы.

— Очень вероятно!

Гу Цзяньнянь поднял большой палец вверх:

— Значит, преступник относится к жертвам как к животным, что связано с издевательствами, расчленением и выбрасыванием тел.

— Жертвы — это в основном женщины в возрасте от тридцати до сорока лет, верно?

Цинь Цин взял лежащие на столе бумагу и ручку:

— Думаю, мы можем составить предварительный профиль.

— Садист, скорее всего, сам был жертвой издевательств. Жертвы — женщины от тридцати до сорока лет, у большинства из которых есть дети от нескольких до десяти лет. Садист выбирает жертв слабее себя, и дети — это идеальный вариант.

— Предположим, что этот убийца в детстве подвергался издевательствам со стороны матери, мачехи или другой женщины-родственницы схожего возраста. Методы включали ожоги от окурков в подмышках, прокалывание ушей и так далее. Повзрослев, убийца, возможно, годами терпел и копил злобу, что привело к изменению его психики, и теперь он использует те же методы, чтобы отомстить женщинам того же типа.

— Очень вероятно!

Гу Цзяньнянь кивнул в согласии:

— А что насчёт расчленения и выбрасывания тел, включая изменения в обращении с частями

тел?

— Первоначально части тел просто закапывали поблизости, а затем стали выбрасывать в отдалённых местах, но принцип остался прежним. Думаю, это связано с изменением транспорта убийцы — возможно, он приобрёл мотоцикл, автомобиль или начал пользоваться общественным транспортом. Что касается последних трёх тел, их расчленили, а затем снова собрали, разместив в довольно живописных местах и даже частично очистив, что выглядит необычно.

Цинь Цин снова погрузился в размышления.

Бай Ифэй рискнул предположить:

— Это не похоже на небесное погребение?

— Небесное погребение?

Оба подняли на него взгляд.

— Ну, я где-то читал об этом в журнале.

Бай Ифэй почесал голову:

— У некоторых народов после смерти тело омывают и оставляют в дикой местности, чтобы его съели птицы и звери.

Гу Цзяньянь усомнился:

— У нас такое практикуют? Сейчас в основном кремация. Эти народы в основном живут в соседней провинции. Ты хочешь сказать, что убийца — представитель этого народа, живущий в нашем городе?

Бай Ифэй поспешил уточнить:

— Я просто предположил!

— Подождите, давайте разберёмся.

Цинь Цин поднял руку, останавливая спор:

— Даже если убийца из этого народа, его привычки в выбрасывании тел должны быть одинаковыми с самого начала. Сейчас мы обсуждаем причину изменений. Учитывая твою версию о небесном погребении, возможно, человек, который издевался над убийцей, недавно умер, и его похоронили таким образом, что вызвало у убийцы желание повторить этот сценарий?

Гу Цзяньянь не смог сдержать восхищения:

— Сяо Цинь, твой анализ сразу прояснил ситуацию.

— Я всего лишь предположил.

Цинь Цин скромно ответил, передавая Гу Цзяньняню листок с предварительным профилем:

— В общем, дядя Гу, если считаешь, что это имеет смысл, можно попробовать продолжить расследование в этом направлении.

— Хорошо, я думаю, это очень убедительно.

Гу Цзяньнянь встал, забирая листок:

— Спасибо, Сяо Цинь. Если дело будет раскрыто, я...

— Только не дари мне ещё один наградной вымпел!

Цинь Цин сразу прервал его:

— И, пожалуйста, не говори журналистам. Мы друзья, так что считай это просто помощью.

Гу Цзяньнянь с лёгкой неловкостью ответил:

— Как-то неудобно!

Бай Ифэй подошёл, дружески обняв Гу Цзяньняня:

— Дядя Гу, если Сяо Цинь захочет устроиться к вам на практику, помогите ему, хорошо?

Гу Цзяньнянь, много лет проработавший в полиции и дослужившийся до начальника участка, сразу понял скрытый смысл и уверенно кивнул:

— Конечно, без проблем! Я беру это на себя!

Бай Ифэй украдкой подмигнул Цинь Цину, провожая Гу Цзяньняня. Атмосфера была дружелюбной и тёплой.

К началу зимних каникул дело о расчленении и выбрасывании тел наконец было раскрыто. Газеты пестрели хвалебными статьями, восхваляя полицию сверху донизу.

Цинь Цин внимательно прочитал статью. Дядя Гу сдержал слово и не упомянул его, что вызвало облегчение.

Бай Ифэй же интересовался другим:

— Ну как, итог совпадает с нашим профилем?

— Практически полностью.

Цинь Цин передал ему газету.

— Ха-ха-ха, убийца держал свиней, поэтому привык прокалывать уши жертвам и ставить номера? Ха-ха-ха-ха, это просто смешно!

— Ха-ха-ха, решающим доказательством стала ДНК на перфораторе? Боже, это просто невероятно!

Цинь Цин наблюдал, как Бай Ифэй катается по дивану от смеха, и с улыбкой подошёл, чтобы шлёпнуть его по заднице:

— Вставай! Ты весь диван испачкал.

В этот момент у двери раздался голос:

— Что с твоей мамой?

Они оба обернулись и увидели Юань Шуан, которая улыбалась и махала им рукой.

Цинь Цин быстро убрал руку за спину.

— Мама!

Бай Ифэй вскочил с дивана:

— Ты как здесь оказалась?

Юань Шуан сердито посмотрела на него:

— Ты же сам сказал, что тебе нужен большой чемодан, вот я и принесла.

— Я мог бы сам забрать...

— Отойди, я в основном пришла, чтобы принести Сяо Циню китайскую колбасу, а ты просто попутно.

Бай Ифэй вздохнул и молча отодвинул чемодан в сторону.

— Сяо Цинь, повар рано приготовил колбасу, а я подумала, что через два дня вы оба уезжаете в зимний лагерь, так что принесла тебе попробовать.

— Хорошо, спасибо, тётя Юань.

Цинь Цин взял ярко-красную колбасу и отнёс её на кухню.

Юань Шуан с улыбкой смотрела на спину приёмного сына, чувствуя себя счастливой. Затем она повернулась к своему сыну, который сидел в нелепой позе на полу, и раздражённо ткнула его пальцем в голову:

— Вот бы поменять тебя с Сяо Цинем местами.

Бай Ифэй, снова ставший жертвой материнских шуток, обнял чемодан с видом полного отчаяния. Кому я вообще помешал?

Но раз уж мама так любит Сяо Циня, почему бы не воспользоваться моментом и не намекнуть? Он изменил выражение лица и с хитрой улыбкой сказал:

— Мама, если ты хочешь, чтобы Сяо Цинь стал частью нашей семьи, я могу на нём жениться!

Юань Шуан нахмурилась:

— Не говори глупостей! Ты ему не пара. Предупреждаю, не используй никаких уловок, чтобы привязать его к себе, понял?

Бай Ифэй, глубоко оскорблённый, вскочил на ноги:

— Он сам согласится! Спроси его!

Цинь Цин, выходя из кухни, услышал это и едва сдержал желание ударить Бай Ифэя.

Что за бред! Как вообще на это отвечать?

К счастью, Юань Шуан сохранила рассудок и, оттолкнув сына, сказала Цинь Цину:

— Не обращай внимания, Ифэй всегда такой.

Цинь Цин, конечно, хотел избежать этой неловкой темы и спросил:

— Тётя Юань, ты останешься ужинать?

— Нет, мне нужно вернуться к его отцу.

Юань Шуан поправила волосы:

— Говорят, вы вернётесь из зимнего лагеря как раз перед Новым годом, так что приходите к нам праздновать.

— Хорошо.

Цинь Цин послушно кивнул, за что получил ласковое поглаживание по голове.

Когда Юань Шуан ушла, Бай Ифэй наконец ожил и снова превратился в липкую собаку, которая висела на Цинь Цине.

— Ты такой тяжёлый...

Цинь Цин с трудом произнёс, голос его стал глухим.

Собака что-то бормотала:

— Я не хочу расставаться...

Цинь Цин с трудом поднял руку и похлопал собаку:

— Всего две недели, они пролетят быстро.

— Я не хочу!

Бай Ифэй начал капризничать:

— В качестве компенсации мы будем спать вместе эти два дня!

<http://bllate.org/book/15503/1375296>